

Морозко — эпизод 1 из 2

Жили-были старик да старуха. У старика со старухой было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до' свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: "Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе". Девушка молчала и плакала; она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям ее услужить; но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери; он любил ее за то, что была послушная да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила; да не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик - как бы дочерей пристроить, а старуха - как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику: "Ну, старик, отдадим Марфушу замуж". - "Ладно", - сказал старик и побрел себе на печь; а старуха вслед ему: "Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери свое добро в коромысло да накинь белую исподку: завтра поедешь в гости!" Добрая Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночь; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка - хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал: "Ну, я все изладил!" - "Садитесь за стол да жрите!" - сказала старуха. Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул челпан и нарушал хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала: "Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да мотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор, - знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит,

и тут отдай Марфутку за Морозка". Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завывала. "Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!"

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал - не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: "Сиди и жди жениха, да мотри - принимай ласковее". А после заворотил лошадь - и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил на было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке потрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коей девица сидит, и сверху ей говорит: "Тепло ли те, девица?" - "Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!" Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил девицу: "Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная?" Девица чуть дух переводит, но еще говорит: "Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!" Мороз пуще затрещал и сильнее защелкал и девице сказал: "Тепло ли те, девица? Тепло ли те, красная? Тепло ли те, лапушка?" Девица окостеневала и чуть слышно сказала: "Ой, тепло, голубчик Морозушко!" Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.